

УДК 311.21; 316.42; 316.722; 316.772.5; 81'272

РОЛЬ СОЦИОДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ ДЛЯ ПОЛЕВЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И ЭТНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ОПЫТ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ЭТНИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА

Марина Константиновна Раскладкина

к. полит. н., ведущий специалист

ИТЦ «СКАНЭКС»

123995, г. Москва, Бережковская наб., 20. marina.raskladkina@gmail.com

В статье представлен опыт виртуальной реконструкции этнического сообщества – жителей поселка Николай (штат Аляска, США) и их потомков с помощью социальных сетей (на примере сети Facebook) в рамках проекта по изучению верхнекускоквимского языка (умирающего языка индейского племени атабасков-верхнекускоквимцев, первопоселенцев Северной Америки). Обосновано использование методов генеалогии и инструментария Facebook в процессе подготовки исследователя языка к полевой экспедиции, описаны ограничения и риски использования информации из социальных сетей, поставлены задачи для будущих возможных исследований.

Ключевые слова: лингвистические исследования; верхнекускоквимский язык; социодемография; Аляска; социальные сети; Facebook.

Верхнекускоквимский язык: история исчезновения

Истоки нашего исследования связаны с проектом по изучению языка ограниченной группы его носителей, живущих в поселке Николай штата Аляска [Бергельсон, Кибрик, Раскладкина 2013: 158–168]. Название языка – Upper Kuskokwim Athabaskan (верхнекускоквимский атабасский язык) происходит от реки Кускоквим, в верхнем течении которой расположены поселения носителей – Николай (Nikolai), Телайда (Telida), МакГрат (McGrath).

Члены этнического сообщества – индейское племя верхнекускоквимцев, относящееся к группе атабасских племен – первопоселенцев Северной Америки. Основу сообщества составляют несколько семей: Nikolai (по имени реального человека – основателя поселения), Eluska, Petruska, Gregory, Esai, Alexia, Dennis. Русские фамилии и частично сохранившиеся русские имена – следы миссионерской деятельности православных священников в XIX в. На русском языке в Николае никогда не говорили, однако русская культура сохранилась в именах и модифицированных православных традициях.

Верхнекускоквимский язык относится к умирающим, в настоящий момент им владеют, по разным оценкам, около 30 человек. Люди моложе сорока его не знают, а старшее поколение уже практически не использует. Такая трагичная си-

туация, к сожалению, наблюдается для половины языков на планете, в основном она описывает состояние языков традиционных культур. Их существование находится под угрозой, а многим – в том числе и исследуемому языку, – на протяжении жизни практически этого поколения грозит языковая смерть. Особенность регресса верхнекускоквимского языка состоит в том, что период билингвизма, параллельного существования его с английским, был очень коротким и распад языка произошел буквально на протяжении жизни одного поколения. Это связано с появлением в 1948 г. в Николае школы, открытой двумя миссионерками с континента, в которой детей и всех желающих обучали английскому языку (см. [Rodli 1963]). С одной стороны, знание английского языка открыло путь верхнекускоквимцам в большой мир и в товарно-денежную экономику, с другой – послужило причиной умирания их родного языка.

Начиная с 60-х гг. двадцатого века, на Аляске при государственной поддержке предпринимались значительные усилия по сохранению и ревитализации автохтонных языков. Так, в частности, была разработана письменность верхнекускоквимского языка на латинской основе. Усилиями лингвиста Рэя Коллинза были обучены письменной грамоте носители языка, которые впоследствии помогали записывать устные тексты (сказки, предания, личные рассказы) и со-

здавать на их основе учебные пособия (см. [Collins, Petruska 1979; Telida Birthday Calendar 1982; 1983a, 1983b, 1984; Telida Curren 1984–1985]). Эти тьюторы преподавали язык в школах Николая и Телайды. Однако приложенные усилия оказали достаточно ограниченный эффект, поскольку сами верхнекускоквимцы не проявляли большого интереса, времени в школьной программе выделялось недостаточно и дома дети все равно не говорили на родном языке.

Сейчас во всем мире, и на Аляске в частности, наблюдается возрождение интереса к языкам предков, в том числе и в самих национальных и языковых сообществах [Upper Kuskokwim: электр. ресурс]. Однако для верхнекускоквимского языка время упущено, по всей видимости безвозвратно, и сейчас лингвисты предпринимают большие усилия для его документации и описания [Бергельсон 1997; Кибрик А.А. 2000; Нослей 1981; Kibrik 1998, 2004, 2009; Krauss 1996].

О специфике изучения исчезающих языков

Принципы полевой лингвистики как основного метода изучения исчезающих языков описаны в [Кибрик А.Е. 1972]. Известно, что залогом успешной работы полевого лингвиста является работа с информантами – носителями языка. И есть ряд факторов, которые эту работу затрудняют.

В частности, представителям некоторых культур (в том числе и атабаскам) невозможно задавать прямые вопросы (это может быть расценено как покушение на личное пространство). М.Б. Бергельсон, изучая атабаский вариант английского языка [Бергельсон 2007: 142–144], описывает естественные дополнительные сложности устной работы с информантами старшего поколения в 2001 году, состоящие в их нежелании фиксировать аудио- и видеозаписи беседы либо отказе говорить о личном опыте, в частности об охоте. Исследователь объясняет это тем, что в культуре атабасков идея говорения основывается на метафоре, связанной с оставлением следов, что является в охотничьей традиции опасным и нежелательным. К тому же не всегда удается сформировать межличностный контакт. В большинстве традиционных культур, где местный язык вытеснялся более сильным контактирующим языком, этот процесс, как правило, сопровождался запретами на родную речь, формированием у людей ощущения «дикости» и стыда, что, конечно, впоследствии накладывало сильный отпечаток на их отношение к родному языку и осложняло коммуникацию с исследователями.

Немаловажно, что исчезающие языки, как правило, географически труднодоступны, экспедиционное время исследователей как на поиск информантов, так и на непосредственную работу по сбору данных ограничено. Поэтому этап подготовки имеет большое значение. Возможности этой подготовки в последние годы расширились в связи с появлением значительного количества открытых источников, одним из которых является пространство социальных сетей.

Методология сбора данных посредством Facebook

Первоначально нашей главной задачей было с помощью различных источников создать базу данных жителей Николая и их потомков. Поводом послужила необходимость фиксации социодемографической информации. Для исследователя в полевой работе с информантами – носителями языка крайне важно понимание и структурирование сложных родственных связей, реконструкция генеалогии их предков. Эта информация необходима и в работе с первоисточниками – аудиозаписями речи, когда называются имена, связующие действия, время, контекст. Фиксация современного состояния сообщества (количество, география, миграция и многое другое) также позволяет внести вклад в оценку сохранности языка.

В качестве инструмента накопления и обработки данных была выбрана генеалогическая программа «Древо жизни» [Genegy.com: электр. ресурс], позволяющая систематизировать социодемографическую информацию, фиксировать связи между людьми, «создавать» различные события (рождение, свадьба, крещение и пр.), анализировать корреляцию данных и многое другое.

Основу базы данных составили документированные материалы бесед исследователей А. Кибрика и М. Бергельсон с жителями Николая [Kibrik 1997–2012]; книга американского лингвиста Рэя Коллинза, прожившего в 60-е гг. XX в. несколько лет в Николае [Collins 2000]. Много информации было обнаружено в фотоальбомах, созданных в рамках упоминавшихся различных проектов для коренных жителей по изучению родного языка (например [Nikolai 1975]), модельных школьных изданиях – рукописных бюллетенях, календарях, а также фотокопиях церковных книг Николая и Телайды.

Так называемые «традиционные источники» (материалы полевых исследований, упомянутые печатные материалы) позволили первоначально занести в базу информацию примерно о 150 персонах, ведя отсчет с середины XIX в.

**Раскладкина М.К. РОЛЬ СОЦИОДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ
ДЛЯ ПОЛЕВЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И ЭТНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ:
ОПЫТ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ЭТНИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА**

Обнаружение и исследование личных страниц их потомков в Facebook помогло восстановить информацию еще о четырех сотнях людей. На 3–4 колена были продолжены ветви родов, лишь намеченные в первоисточниках.

В настоящий момент (на середину 2013 г.) в базе данных 550 человек. Примечательно, что все они являются родственниками. Количество межродовых связей трудно посчитать, но если начинать строить генеалогическое древо от любого участника сети, ни один человек не выпадает, даже не прямые родственники и партнеры, т.е. сеть характеризуется большой плотностью.

Из 393 ныне живущих 172 человека на настоящее время являются жителями штата, еще около 20 живут в различных штатах Америки. Точное местонахождение почти двухсот определить не удалось, однако известно, что за пределы США уехали лишь двое–трое.

Прямыми потомками атабасков – первопоселенцев Верхнего Кускоквима – являются 452 человека (ранее считалось, что их количество не превышало 200). Остальные (их супруги, в том числе находящиеся в гражданском браке) принадлежат или к иным коренным народам, в том числе атабаскским группам из других местностей, или являются белыми американцами.

Оговоримся: несмотря на статистически значимое присутствие в Facebook представителей исследуемой категории, в сетевом понимании термин «сообщество» к ней неприменим; это реконструированная группа, большинство ее участников не знакомы друг с другом по причине дальнего родства, формально их объединяет этническая близость и географическая принадлежность основателей родов.

Представленность (или присутствие) персоны в Facebook характеризуется наличием любой идентифицирующей информации о ней, содержащейся в следующих элементах страниц Facebook:

- различная информация о себе, размещаемая в личном профиле;
- сообщения (посты), в том числе характеризующиеся временной и географической привязкой;
- ответы на сообщения, комментарии;
- ссылки на страницы родственников с указанием степени родства, обращение к адресату, характеризующее степень родства;
- «создание» на своих страницах «событий» своей жизни и жизни других людей, – свадьба, рождение детей, смерть, переезд и пр.;
- размещение фотографий;
- описания фотографий, комментарии к ним и др.;
- перепост на свои страницы сообщений из других источников FB о событиях, касающихся родственников (например, о поминальном ужине, о розыске пропавших) [The Council Newsletter: электр. ресурс; Seeking Alaskas Missing: электр. ресурс].

График (рис. 1) показывает, что почти три четверти из ныне живущих участников сообщества представлены в Facebook, т.е. виртуально репрезентативны для мирового сообщества. Причем почти половина из них имеет свои персональные аккаунты.

Обнаружены также личные страницы умерших и упоминания о них (около 10), однако они в настоящую статистику не вошли.

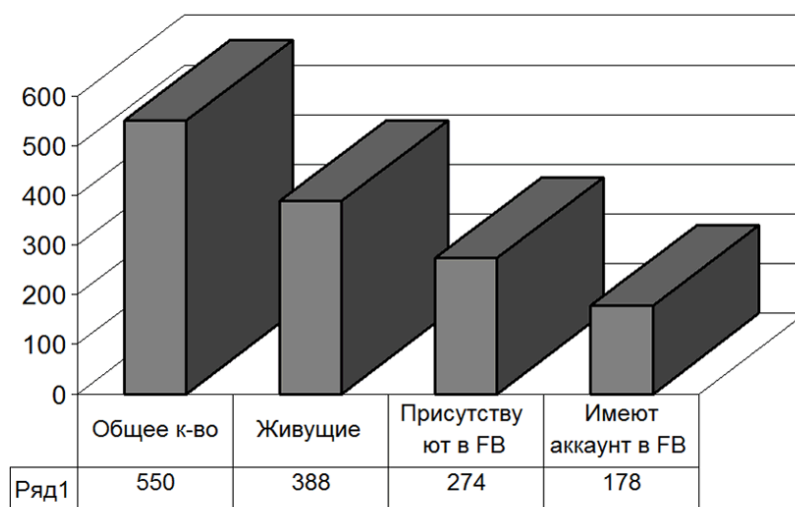


Рис. 1. Присутствие жителей Николая и их потомков в Facebook

**Раскладкина М.К. РОЛЬ СОЦИОДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ
ДЛЯ ПОЛЕВЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И ЭТНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ:
ОПЫТ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ЭТНИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА**

Формат «присутствия» в FB может быть следующим:

- **представленность:** размещение различной информации о человеке на страницах других участников сети (фотографии, упоминания в постах, отметания в разделе «родственники» – family link – и пр.); при наличии у него собственной страницы другие владельцы аккаунтов размещают ссылки на нее со своих страниц;

- **наличие своей персональной страницы (аккаунта)** – может быть формальным и ограничивается лишь созданием аккаунта, заполнением части данных;

- **самопрезентация:** размещение на своей странице информации о себе: дата рождения, место рождения, учебы, работы, фотографии, описание фотографий, проставление персонализирующих тэгов и геометок, написание различных сообщений (постов);

- **коммуникация:** подразумевает активное совместное создание контента: комментирование постов, размещение на своей странице отсылок на страницы других пользователей, проставление персонализирующих тэгов на фотографиях, их описание.

Было интересно проанализировать возрастной состав владельцев аккаунтов (рис. 2.).

Беглый взгляд на цифры показывает, что наиболее представленными (в процентном отношении) в Facebook оказываются маленькие дети, которые еще не имеют собственных аккаунтов – конечно, благодаря любящим родителям, размещающим сотни фотографий отпрысков. На удивление весомо выглядит старшая возрастная группа. Не только дети и внуки пиарят «elders» в виртуальном пространстве, последние по количеству страниц обгоняют тинейджеров. Например, старейший житель Николая 93-летний Bobby Esai, вождь племени – самый упоминаемый в этой возрастной группе, герой многих фотографий и постов, например, день рождения Bobby, его рождественская проповедь, он сам в кругу многочисленных разновозрастных родственников. А самый старший владелец FB-аккаунта – 72-летний Nick Petruska. Тем не менее в сетевой активности старшие сильно уступают молодежи: в большинстве случаев просто заводят аккаунты и добавляют 20–30 друзей (подавляющее большинство друзей у многих совпадает).

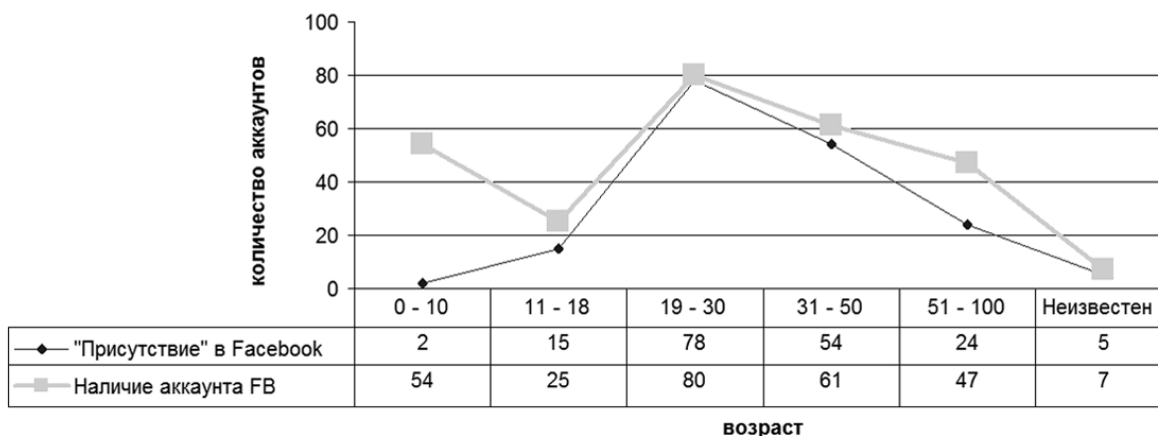


Рис. 2. Возрастной состав «присутствующих» в Facebook жителей Николая и их потомков

**Сетевые «открытые данные»:
преимущества и риски использования**

Данные, извлекаемые из социальных сетей, предоставляют массу информации социодемографического и социокультурного характера, которая прямо или косвенно может помочь исследователям в определении современного состояния языка группы. В частности, существенной является следующая информация:

- имя (наряду с официальным встречается указание на традиционное индейское);
- дата рождения (возраст);
- языки, которыми владеет пользователь сети (часто указываются в профиле, встречается указание на знание традиционного языка, на страницах или в сообществах обсуждается написание тех или иных слов, выражений);

**Раскладкина М.К. РОЛЬ СОЦИОДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ
ДЛЯ ПОЛЕВЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И ЭТНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ:
ОПЫТ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ЭТНИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА**

– приверженность традиционной культуре (фотографии, описание событий, участие в национально-культурных сообществах);

– существенные даты жизни (свадьба, рождение детей, переезд и пр.);

– географическая привязка событий жизни (место рождения, место жительства и пр.);

– родственные связи;

– визуальный образ и др.

Анализ этих данных, как уже говорилось, имеет большое значение в подготовке исследователя к непосредственной полевой работе и предоставляет дополнительные возможности:

– расширение источников (помимо традиционных, не всегда доступных, появляются данные, создаваемые и хранимые новыми современными информационными системами, в том числе виртуальными);

– мультиформатность данных (геоданные, текст, графика, мультимедиа и пр.);

– возможность использования источников независимо от физического местонахождения и без прямого контакта с респондентами, что позволяет лучше распределять рабочее время;

– возможность получения информации непосредственно от респондентов, создаваемой ими самими в их естественной коммуникативной среде;

– возможность наблюдать и использовать краудсорсинговые эффекты (накопление информации, созданной большим количеством пользователей);

– возможность получать задокументированную самими пользователями уникальную информацию;

– возможность множественных перекрестных проверок данных;

– возможность установить первоначальный непосредственный, хотя и дистантный, контакт с заинтересовавшим пользователем, познакомиться с ним, определить языковую компетентность, договориться о непосредственном контакте в полевой период, при необходимости поддерживать рабочую коммуникацию.

Небезынтересным является то, что сочетание различных методов и современных технологий обработки данных позволяет исследователю ставить новые, неочевидные задачи. Ряд задач, возникших по ходу нашей работы, отражен в разделе «Итоги и перспективы исследования».

Мы не касаемся здесь возможностей автоматизации поиска или машинной обработки данных, получаемых из социальных сетей, хотя та-

кие исследования уже имеются [Артюхин 2013, Биккулов, Бершадская, Жук 2012].

Однако исследователю стоит обязательно учитывать различные ограничения использования данных их социальных сетей и верифицировать их, поскольку

– полученные сведения являются однозначно неполными (например, никто не укажет полнотой всех имеющихся родственников);

– сведения избирательны (авторы вносят только ту информацию, которую хотят или считают важной занести);

– происходит непрерывное обновление данных, за которым практически невозможно уследить в «ручном» режиме, появление новых аккаунтов (только с начала 2013 года около 15 жителей Николая завели FB-страницы);

– достаточно большая часть аккаунтов является закрытыми или частично закрытыми для посторонних, поэтому информацию, в том числе и персональные данные, могут видеть только «друзья» или «друзья друзей». Поэтому, во-первых, выводы о сетевой активности исследуемых не могут быть однозначными, во-вторых, у программ – агрегаторов данных из социальных сетей доступ к информации будет ограничен более чем у человека, который имеет возможность «подружиться» с автором «закрытой» страницы;

– сведения могут быть искаженными или ошибочными, они не официальные, и люди могут просто ошибаться, как содержательно, так и технически, недостаточно хорошо владея компьютером и понимая методы размещения информации в социальных сетях;

– пользователи могут ненамеренно исказить данные, например, золовку (*sister-in-law*) указывают как *sister*, что объясняется либо опрошением, связанным с близкими родственными отношениями с непрямыми родственниками, либо лексическим упрощением семантического поля родственных отношений;

– данные могут быть ошибочно интерпретированы исследователем в неоднозначных случаях (указание приемных родителей как «родных», дальнего родства как близкого, приравнивание *cousin*, *second cousin* к родным братьям и сестрам, поколенческий сдвиг при официальном усыновлении внуков и др.); они требуют перекрестных проверок и подкрепления другими методами.

Для объяснения важности двух последних пунктов с лингвистической точки зрения обратимся к работе М. Краусса [Krauss 1977], по-

**Раскладкина М.К. РОЛЬ СОЦИОДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ
ДЛЯ ПОЛЕВЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И ЭТНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ:
ОПЫТ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ЭТНИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА**

дробно изучившего терминологию родства в прото-атабаском языке (табл. 1.)

Таблица 1
Атабаскские термины ближнего родства

	<i>Sex of Alter distinguished</i>	<i>Sex of Ego distinguished</i>
Grandparent	+	–
Parent	+	–
Older sibling	+	–
Younger Sibling	+	–
Child	+	+
Grandchild	–	+

Представленные данные показывают, насколько жестко закреплены в реконструированном М. Крауссом атабаском протоязыке семантические конструкции родства, как они могут быть обусловлены не только полом человека, о котором идет речь, но и полом говорящего (дочь мужчины и дочь женщины, сын мужчины и сын женщины – четыре разных слова; и пол внука имеет разницу не сам по себе, а зависит от того, кто говорит о нем – бабушка или дедушка). В указанной работе описан каждый термин, обозначающий родственные отношения у атабасков. Тем более интересно, как на такой традиционно устойчивый терминологический сегмент атабаскского языка наложилась семантика английского, которая в свою очередь была редуцирована языковыми ограничениями Facebook.

Итоги и перспективы исследования

Данные, полученные из Facebook и обработанные в «Древе жизни», позволили нам не только выйти за формат первоначальной задачи, но и описать в Facebook отражение ряда социокультурных реалий современной атабаскской деревни [Раскладкина 2013: 53–60], а также поставить на основе этих данных ряд вопросов для продолжения социокультурного исследования сообщества.

– Сохранены традиции православного крещения, молодежь помнит свои церковные имена, однако насколько это традиции глубоки?

– Женщины, уехавшие из Николая на постоянное место жительства в другие города штата, либо в другие штаты, носят фамилию мужа, а их дети носят фамилию отца. Связано ли это с различиями в традиции жизни в Николае и вне его?

– Зафиксировано, что достаточно большое количество женщин из исследуемых (более 15%) дали своему первому ребенку свою фамилию. Это может быть связано с множественными браками, с вступлением в брак после рождения детей, с частыми рожденьями детей вне брака, с

усыновлением детей старшими родственниками. С чем связано увеличение количества детей, носящих фамилию отца? Стоит ли рассматривать материнские фамилии как возможные сохранившиеся признаки материнского рода у коренных народов (атабасков, эскимосов), а их уменьшение – как своеобразное отступление от матрилинейного родства?

– Наличие множественных родственных тэгов на страницах Facebook (например, указание двух матерей либо указанием родителями тех людей, которые однозначно быть ими не могут) вызывает вопросы: как модифицировались национальные традиции усыновления детей родственниками? Сохраняется ли фамилия? В каких отношениях между собой находятся процессы традиционного усыновления и православного крещения?

– Отмечено, что FB-общение членов исследуемой группы, при всей ее неоднородности, имеет общие черты: носит характер семейно-бытовой коммуникации. Интересен сравнительный анализ FB-сегмента Аляски и «остальной Америки», Аляски и России, Америки и России, исследуемой группы и российского «семейно-сетевого» аналога – сети «Одноклассники».

– Уже упоминались семантические трансформации терминов родства, возникают вопросы, насколько искажение данных связано с отражением степени близости людей, а насколько – с языковыми процессами?

– Обнаружены свидетельства интереса молодежи к языку предков (традиционные атабаскские имена, употребление отдельных слов и указание на знание языка, участие в native community); таким образом, наличие реконструированного сообщества потомков коренных народов позволяет провести исследование изменений в национальной идентичности и степени сохранности изучаемого языка.

– Одним из главных вопросов исследователей социальных сетей остается возможность использования сервисов мониторинга соцмедиа и машинной обработки данных наряду с традиционными социологическими, психологическими и социально-антропологическими методами, частично адаптированными для специфических задач исследования процессов в Интернет. В связи с тем что практически все первичные данные были получены из Facebook в ручном режиме, для дальнейшего исследования следующим шагом может стать построение социального графа сообщества с целью изучения его пространственных характеристик.

**Раскладкина М.К. РОЛЬ СОЦИОДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ
ДЛЯ ПОЛЕВЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И ЭТНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ:
ОПЫТ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ЭТНИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА**

Список источников

Genery.com – программа сбора и анализа генеалогических данных. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.genery.com> (дата обращения: 08.12.2013).

Nikolai, February, 1975 // Written by: Turou L. Pulu, Mary L. Pope. McGrath, Alaska: Iditarod Area School District, 1975. 54 p.

SeekingAlaskasMissing: поиск пропавших [Электронный ресурс]. URL: <https://www.facebook.com/SeekingAlaskasMissing> (дата обращения: 6.08.2013).

TheCouncilNewsletter: Бюллетень национальных советов местного сообщества Аляски. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.facebook.com/TheCouncilNewsletter> (дата обращения: 06.08.2013).

Telida: Last Village Up the Kuskokwim River. Anchorage: Iditarod Area School District, 1982. 26 p.

Telida Learns to Dance. Anchorage, Alyaska: Iditarod Area School District, 1983. 24 p.

Telida Curren // School Newsletter. 1984–1985. V. 4, 5. 12 p. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.uaf.edu/anla/collections/search/resultDetail.xml?id=UK982T1984> (дата обращения: 06.04.2013).

Telida Birthday Calendar, 1983. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.uaf.edu/anla/item.xml?id=UK983T1983> (дата обращения: 06.04.2013).

Telida Birthday Calendar, 1984. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.uaf.edu/anla/item.xml?id=UK983T1984> (дата обращения: 06.04.2013).

Upper Kuskokwim – Upper Kuskokwim Athabaskan Language Preservation and Revitalization Project. [Электронный ресурс]. URL: <http://ukpreservation.com> (дата обращения 8.12.2013).

Список литературы

Артюхин В.В. Базовый анализ социальных графов организаций в социальных сервисах на примере МЧС России // Образовательные технологии и общество. 2013. Т. 16. № 2. [Электронный ресурс]. URL: http://ifets.ieee.org/russian/depository/v16_i2/html/15.htm (дата обращения: 01.12.2013).

Бергельсон М.Б. В краю православных индейцев: приключения русских на Аляске // Итоги, № 37(70). Сентябрь, 1997. С. 57–63.

Бергельсон М.Б. Прагматическая и социокультурная мотивированность языковой формы. М.: Университетская книга, 2007. 320 с.

Бергельсон М.Б., Кибрик А.А., Раскладкина М.К. Русское языковое наследие Аляски: в поисках родного языка // Вестник Российского

гуманитарного научного фонда. М., 2013. Вып. 1. С. 158–168.

Биккулов А.С., Бершадская Л.А., Жук Д.В. Сервисы мониторинга социальных медиа в сети Интернет и анализ частотности поисковых запросов как инструменты исследования социальных проблем // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 6. [Электронный ресурс]. URL: www.science-education.ru/106-7976 (дата обращения: 11.12.2013).

Кибрик А.А. Исследования верхнекускоквимского атабаскского языка на Аляске: некоторые результаты // Язык: Теория, история, типология. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 479–492.

Кибрик А.Е. Методика полевых исследований (к постановке проблемы). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. 181 с.

Раскладкина М.К. Фейсбук как зеркало аляскинской глубинки / I-формат. Журналистика провинции: альманах / под ред. Г.Г. Матишова, О.И. Лепилкиной. Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2012. Вып. 8. С. 53–60.

Collins R. Dichinanek` Hwtana: A History of the people of the Upper Kuskokwim who live in Nikolai and Telida, Alaska. McGrath, 2000 (revised 2004). 157 p.

Collins R., Petruska B. Dinak'i (Our words). Upper Kuskokwim Athabaskan Junior Dictionary. Anchorage: NBMDC, 1979.

Hosley E.H. Kolchan // Subarctic: Vol. 6 of the Handbook of North American Indians / ed. J. Helm. Washington, D.C.: Smithsonian Institution, 1981. P. 618–622.

Kibrik A. Unpublished notes on Upper Kuskokwim Athabaskan genealogy. 1997–2012.

Kibrik A. Preliminary Report on Phonetic and Phonological Idiolectal Variation in Upper Kuskokwim Athabaskan (Unpublished). Fairbanks: Alaska Native Language Center Archives, University of Alaska Fairbanks, 1998.

Kibrik A. Coordination In Upper Kuskokwim Athabaskan // Coordinating constructions / ed. Martin Haspelmath. Amsterdam: Benjamins, 2004. P. 537–554

Kibrik A. Encoding directions in Upper Kuskokwim Athabaskan: A case study in field ethnolinguistics // III Международная конференция по полевой лингвистике: труды и материалы. М.: Тезаурус, 2009. С. 20–25.

Krauss M. The proto-Athabaskan and Eyak kinship term system. Fairbanks: University of Alyaska, 1977. 72 p. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.uaf.edu/anla/collections/search/resultDetail.xml?id=CA961K1977b>. (дата обращения: 06.04.2013)

**Раскладкина М.К. РОЛЬ СОЦИОДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ
ДЛЯ ПОЛЕВЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И ЭТНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ:
ОПЫТ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ЭТНИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА**

Krauss M. 1996. The Russian language in Alaska and in Alaskan native languages // Atlas of languages of intercultural communication in the Pacific, Asia, and the Americas / eds. Wurm S.A., Muhlhausler P., Tryon D.T. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1996. V.2.2. P. 1209–1212.

Rodli A. North of Heaven: A Teaching Ministry among the Alaskan Indians. Chicago: Moody Press, 1963.

**USING SOCIODEMOGRAPHIC DATA
IN LINGUISTIC AND ETHNOLOGICAL FIELDWORK:
VIRTUAL RECONSTRUCTION OF AN ETHNIC COMMUNITY**

Marina K. Raskladkina

Leading Specialist

SCANEX R&D Center

The paper presents an attempt to virtually reconstruct an ethnic community – residents of the town of Nikolai (Alaska, USA) and their descendants, using the Facebook social network resources. This project is a part of a broader research aimed at documentation and study of the Upper Kuskokwim language (a moribund Alaskan Athabaskan language). The study justifies the use of genealogy methods and Facebook instruments that tend to be useful while preparing for linguistic fieldwork, describes restrictions and risks in using information from social networks, and formulates tasks for future research.

Key words: linguistic study; Upper Kuskokwim language; sociodemographics; Alaska; Social network; Facebook.